

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ И ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ЛИЧНОСТИ

©2022 г. М.И. Кошенова*

*Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и виктимологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; e-mail: koshenova.m.i@gmail.com

DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_25_1_05

Поступила в редакцию 9 августа 2021 г.

Аннотация. Цель исследования заключалась в изучении содержания феномена бедности в контексте эпигенетической теории личности. Бедность рассматривается как многомерное явление, определяются ее монетарное и немонетарное измерения, а также агрегированный индекс достатка. Анализ российских и зарубежных исследований, посвященных взаимосвязям бедности и индивидуально-психологических особенностей личности, позволяет обосновать возможность изучения социально-психологических особенностей бедных с позиции эпигенетической концепции развития Э. Эриксона. Проверялись гипотезы: различия по агрегированному индексу достатка зависят от эффективности прохождения личностью восьми стадий эпигенетического развития (по Эриксону); лица, принадлежащие к группе с низким агрегированным индексом достатка, будут обнаруживать большую склонность к девиациям в силу недостаточной психосоциальной зрелости. Для оценки агрегированного индекса достатка наряду с учетом уровня абсолютного дохода были использованы следующие методики: 1) графическая шкала социально-экономического статуса субъекта («The MacArthur Scale of Subjective Social Status»), разработанная под руководством Н. Адлер; 2) шкала «Удовлетворенность жизнью» («Satisfaction with Life Scale», SWLS), предложенная Эд. Динером, Р.А. Эммонсом, Р.Дж. Ларсеном и Ш. Гриффин; 3) экспресс-диагностика уровня личностной фрустрации, предложенная В.В.Бойко. Для определения личностной зрелости и стадии психосоциального развития личности применялась методика оценки эпигенетического развития, или индикатора силы психосоциальных атрибутов («Modified Erikson Psychosocial Stage Inventory», MEPSI), разработанная Н. Лейди и К. Дарлинг-Фишер. Для выявления склонности к девиантному поведению в одной из важнейших сфер, обеспечивающей экономическую активность личности, использовалась методика С. Робинсона и Р. Беннетт, позволяющая измерить девиантность на рабочем месте («Workplace deviance scale»). Данные, полученные в результате опроса 202 респондентов экономически активного возраста, позволили сделать выводы о том, что у бедных обнаруживается низкий уровень прохождения эпигенетических стадий; эпигенетические кризисы имеют кумулятивный эффект; низкий уровень развития автономности и идентичности обуславливают не только риски дезадаптации личности, но и риски формирования деструктивных форм поведения в различных сферах жизни, в том числе угрожающих общественной безопасности. Обосновывается необходимость обязательной социально-психологической работы, позволяющей «доращивать» личность с «опытом бедности» с целью преодоления «петли обратной связи».

Ключевые слова: бедность, монетарное и немонетарное измерение, агрегированный индекс достатка, эпигенетическая концепция развития, эмпирическая верификация, эго-сила, эго-отчуждение, девиантная реализация.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

Одним из глобальных вызовов современного мира, обращенных в том числе и к психологической науке, становится явление масштабной бедности (Социально-психологическая оценка рисков..., 2017). Объективная необходимость решения социально значимой задачи преодоления бедности, стоящей как перед мировым сообществом, так и перед российским государством, вполне закономерно обуславливает появление все большего числа исследований этого феномена, в том числе междисциплинарных. Проблемы поиска инструментов, позволяющих операционализировать понятие бедности и измерять ее масштабы, изучения экономических отношений и экономического сознания, психологических особенностей «бедных» и «богатых», механизмов формирования экономической компетентности, состоятельности или депривированности субъекта сохраняют свою актуальность и требуют как теоретического осмысления, так и эмпирической верификации новых гипотез.

Необходимо отметить, что явление *бедности* в настоящее время не сводится только к монетарному измерению. Ключевым понятием в понимании данного феномена становится понятие *качества жизни*. Так, в руководстве по измерению бедности, разработанном Организацией Объединенных Наций в 2017 г., рекомендовано учитывать социальное отчуждение, недостаток возможностей (в получении образования, медицинской помощи, жилищных условиях, средствах коммуникации, отдыхе и досуге), дефицит времени, социальные индикаторы и др. (Руководство..., 2017). Активное обсуждение зарубежными и российскими экономистами и социологами необходимости использования при оценке бедности *индекса многомерной бедности, депривационного подхода и социальной исключенности*, как представляется, свидетельствует о том, что для социальной практики становится все более очевидным факт того, что монетарная бедность не может быть

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

исключительным критерием для определения социально уязвимых групп, объективно требующих внимания при выстраивании социальной политики.

Очевидно, что даже в том случае, если доход россиянина в марте 2020 г. составлял 17 тыс. рублей в месяц, что позволяло отнести его к среднему классу, условием его достижения является оплата труда в течение 52-часовой рабочей недели, что блокирует возможность досуга и отдыха, создает дополнительные риски для здоровья, в том числе психического, и не гарантирует отсутствие депривации в получении качественного питания, возможности поддержания комфорта в доме или преодоления долговой нагрузки. Напомним, что пять выше названных параметров из *списка индикаторов риска бедности и социальной исключенности (изоляция) (AROPЕ)* с уверенностью позволяют отнести взрослого человека к когорте бедных. Да, немонетарная бедность, как правило, является следствием монетарной, но «<...> во многих случаях люди, которые являются бедными в многомерном плане или испытывают депривацию, согласно показателям немонетарного характера, необязательно являются бедными по уровню доходов. Различия между показателями монетарной бедности и многомерной бедности означают, что они не могут заменять друг друга; необходимо измерять и те, и другие показатели <...>» (Руководство..., с. 18).

Бедность не только препятствует полноценному развитию личности, но и является «миной замедленного действия» для общества. Существует значительное число исследований, показывающих, что бедность является одним из важнейших факторов, обуславливающих девиантное, в том числе и криминальное, поведение (Белобрыкина, Горбачева, 2019; Волков и др., 2016; Гурьев, 2017; Козубовская, Сойма, 2015; Hsieh, Pugh, 1993; и др.). Более того, американский антрополог и этнолог О. Льюис утверждал, что девиантное поведение является неотъемлемым атрибутом культуры бедности: наркомании,

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

алкоголизма, проституции; экономической и социальной зависимости; повышенной конфликтности внутрисемейных отношений (грубости, ссор родителей и детей, свободных браков, частых разводов) и, как следствие, отсутствие детства, ранние сексуальные контакты, высокая частота аборт и т.д. (Lewis, 1969, 1975). Очевидно, что подобная связь нелинейна (например, такой вид девиации, как коррупция, практикуется людьми с высоким уровнем достатка, да и иные виды преступлений также совершают люди, принадлежащие к разным социальным группам), но опыт бедности определенно снижает адаптационные ресурсы, а, следовательно, повышает риски формирования девиантности.

Многочисленные исследования показывают, что опыт бедности становится барьером для самореализации (Ефремова, Полуэктова, 2019; Griskevicius et al., 2013; Gordon, 2000; Pinquart, Sorensen, 2000), так как ограниченные ресурсы не только снижают качество когнитивных функций (Mani et al., 2013), приводят к формированию неэффективных экономических стратегий (Ellis et al., 2012), но и создают условия для развития специфических личностных черт (Ефремова и др., 2014), задающих систему координат для реализации «петли бедности», «порочного круга бедности», «ловушки нищеты» и т.п. При всем том, что исследования Т.В. Дробышевой и А.Л. Журавлева показали, что конструирование экономических представлений детей, начиная с пятилетнего возраста, не является «слепком» представлений родителей (Дробышева, Журавлев, 2016), первичная экономическая социализация вносит существенный вклад не только в формирование экономических отношений, моделей экономического поведения, но и в специфику социальных отношений.

Детский опыт бедности – life history, разворачивающийся в контексте экономического дефицита, депривации и социальной исключенности, причем в условиях общества, ориентированного на потребление и на достижение

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

материального достатка как главного критерия социального успеха, – ведет к снижению удовлетворенностью жизнью не только в детстве, но и на этапе взрослости (Белобрыкина, Горбачёва, 2019; Ефремова, Полуэктова, 2019). Низкая субъективная оценка собственного социально-экономического статуса (СЭС) приводит к самостигматизации и дефициту межличностного взаимодействия (Kraus, Keltner, 2013; Leary, Tambor et al., 1995), что зачастую и обуславливает формирование личностной фрустрации и снижение удовлетворенности жизнью. Напомним, что при многомерной оценке бедности депривация и социальная исключенность имеют принципиальное значение (Руководство..., 2017; Фролова, 2017).

Многочисленные исследования показывают, что «бедность связана с индивидуально-психологическими особенностями личности» (Ефремова и др., 2014, с. 97). Фактически, схожие профили «человека с опытом и статусом бедности» (Ефремова, Полуэктова, 2019; Ellis et al., 2012; Griskevicius et al., 2013; Gordon et al., 2000; Maqsdud, Rouhani, 1991; Pinguart, Sorensen, 2000; Stevenson, Wolfers, 2008), представленные разными авторами, интерпретируются либо как предикторы бедности, либо как ее следствие, в зависимости от концептуальной модели, используемой исследователями. Тем не менее, представляется очевидным, что в целом, описывая «человека бедного», психологи по сути описывают незрелую личность, так как бедность коррелирует с такими личностными характеристиками, как склонность к риску, экстернальный локус контроля, чувство бессмысленности (как общая черта депрессии), «близорукость» (импульсивность, реактивность, жизнь по принципу «изо дня в день»), неспособность к планированию, низкие показатели автономности и самоэффективности, проблемы с доверием и законопослушным поведением.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

Необходимо отметить, что полученные исследователями данные свидетельствуют, что экономическая зрелость совсем не обязательно предполагает зрелость личностную (Феномен и категория зрелости..., 2007). В то же время остается открытым вопрос о том, каким образом личностная зрелость позволяет эффективно или неэффективно функционировать не только в социальном, но и в экономическом поле при схожих социально-экономических условиях.

Можно предположить, что для понимания содержания феномена бедности широкими возможностями обладает психосоциальная концепция развития Э. Эриксона (Эриксон, 2018), позволяющая изучить социально-психологические особенности «бедных» как результат не пройденных ими стадий личностного развития в онто- и психогенезе. Важно сразу обозначить, что нет оснований считать монетизированную бедность исключительно результатом личностной незрелости (изначального экономического неравенства никто не отменял, а фраза О. Голдсмита: «Один родился с серебряной ложкой во рту, а другой с деревянным половником», – стала поговоркой, одинаково понятной жителям стран с разным уровнем экономического развития), но понимание бедности как многомерного явления, включающего и не монетизированную составляющую, позволяет исследовать личностную зрелость как коррелят достатка/бедности. Кроме того, можно предположить, что идея о том, что девиантность (и прежде всего, асоциальность, криминальность) является специфическим маркером бедности, так же может быть объективирована через призму личностной зрелости.

МЕТОДИКА

В связи с актуальностью немонетарной оценки бедности в рамках проводимого исследования введен параметр – *агрегированный индекс*

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

достатка (далее – АИД), который представляет собой среднее значение соразмерных величин *достатка* (абсолютного дохода, относительного социально-экономического положения индивида в обществе, показателя отсутствия фрустрации и удовлетворенности жизнью), взятых в совокупности (индекс – величина, получаемая как отношение показателей одинаковой размерности при их сопоставлении; агрегирование в общем смысле – это объединение, укрупнение показателей по какому-либо признаку для получения обобщенных, совокупных показателей).

Таким образом, бедность может быть оценена субъективно (удовлетворенность жизнью), объективно (доход в абсолютном значении), относительно (положение в обществе), депривационно (фрустрированность как психологическая аналогия принятого в статистике метода измерения лишений).

В качестве гипотез исследования были выдвинуты предположения:

- 1) различия по агрегированному индексу *достатка* зависят от эффективности прохождения личностью восьми стадий развития, описанных в эпигенетическом подходе;
- 2) лица, принадлежащие к группе с низким агрегированным индексом *достатка*, будут обнаруживать большую склонность к девиациям в силу недостаточной психосоциальной зрелости.

Для оценки *агрегированного индекса достатка* наряду с уровнем абсолютного дохода были использованы следующие методики:

- 1) графическая шкала социально-экономического статуса субъекта («The MacArthur Scale of Subjective Social Status»), разработанная под руководством Н. Адлер, русифицированная версия Е.А. Лысяковой, позволяющая определить субъективную оценку респондентом собственной экономической состоятельности (Лысякова, 2019; Adler et al., 2000; Goodman et al., 2001);

- 2) шкала «Удовлетворенность жизнью» («Satisfaction with Life Scale», SWLS), предложенная Эд. Динером, Р.А. Эммонсом, Р.Дж. Ларсеном, Ш. Гриффин и адаптированная Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным (Осин, Леонтьев, 2020);
- 3) экспресс-диагностика уровня личностной фрустрации, предложенная В.В. Бойко (Бойко, 2008).
- 4) для определения личностной зрелости и стадии психосоциального развития личности применялась Методика оценки эпигенетического развития, или индикатора силы психосоциальных атрибутов («Modified Erikson Psychosocial Stage Inventory», MEPSI) (Leidy, Darling-Fisher, 1995), русифицированная версия Е. А. Лысяковой;
- 5) для выявления склонности к девиантному поведению в одной из важнейших сфер, обеспечивающей экономическую активность личности использовалась методика С. Робинсона и Р. «Workplace deviance scale» (Bennett et al., 2000; Bennett et al., 2015), позволяющую измерить девиантность на рабочем месте (версия, русифицированная Е. А. Лысяковой).⁹

В исследовании приняли участие 202 респондента экономически активного возраста от 20 до 65 лет. Образовательный ценз всех участников – от законченного среднего до наличия ученой степени).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уровень дохода (тыс. руб. в мес.), самооценка относительного социально-экономического статуса (от 1 до 10 баллов), удовлетворенность жизнью (от 5

⁹ Сбор эмпирических данных осуществлялся магистранткой ФГБОУ ВО «НППУ» Е.А. Лысяковой. Версии методик «The MacArthur Scale of Subjective Social Status», «Modified Erikson Psychosocial Stage Inventory» (MEPSI), «Workplace deviance scale» русифицированы ею специально для данного исследования.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

до 35 баллов), социальная фрустрированность (от 0 до 4 баллов) позволили рассчитать агрегированный индекс достатка (АИД) для каждого участника исследования. Абсолютные значения, полученные по каждому из указанных параметров, для сопоставимости данных были переведены в коэффициенты от 0 до 1 соответственно, АИД также может быть выражен показателями в диапазоне от 0 до 1.

Для каждого участника исследования по 8 шкалам методики MEPSI, релевантных 8 стадиям эпигинетического развития по Эриксону, было рассчитано среднее значение. Таким образом, количественный эквивалент получили стадии: 1. Доверие – недоверие; 2. Автономность – стыд, сомнение; 3. Инициатива – вина; 4. Трудолюбие (компетентность) – чувство неполноценности; 5. Идентичность (индивидуальность) – путаница ролей; 6. Близость – одиночество; 7. Производительность – застой; 8. Целостность – эгоотчаяние (каждой шкале соответствует 10 вопросов, по 5 на конструктивное и негативное разрешение кризиса, в связи с чем значения располагаются в диапазоне от 1 до 5, кроме того, методика предусматривает возможность рассчитать общий показатель прохождения стадии).

Исходя из предположения, что бедные и богатые различаются между собой по исследуемым параметрам, возможно применение кластерного анализа. Матрица сходства квадратов евклидовых расстояний, построенная по результатам диагностики 202 испытуемых, была подвергнута процедуре иерархического агломеративного кластерного анализа с использованием метода полной связи для объединения кластеров (рис. 1, рис. 2). Было выделено 3 кластера, давшие возможность разделить всю выборку (независимо от возраста и образовательного ценза) на 3 группы.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

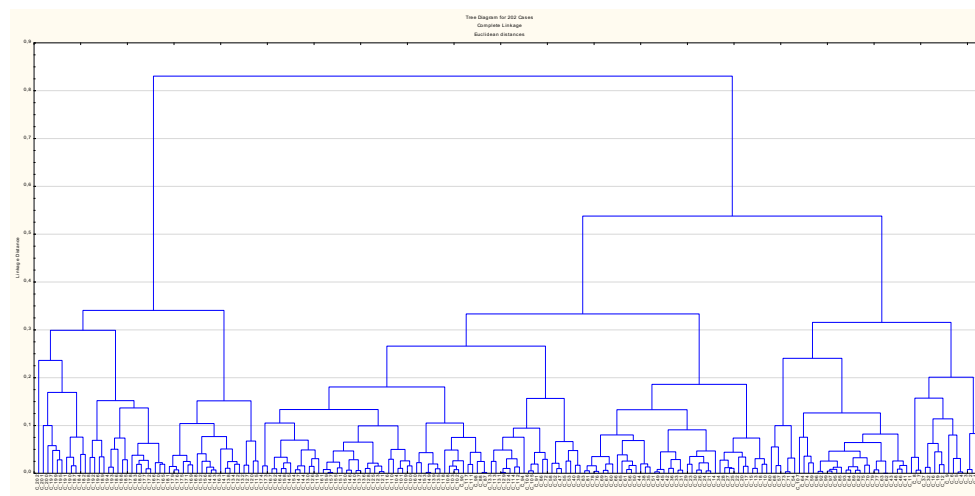

Рис. 1. Вертикальная дендрограмма, метод полной связи по средним значениям эпигенетического развития и АИД

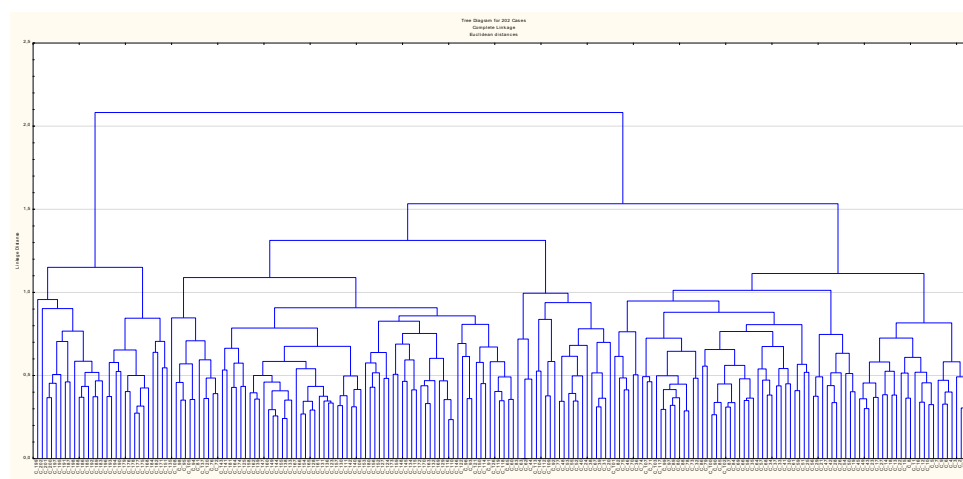

Рис. 2. Вертикальная дендрограмма, метод полной связи по 16 шкалам эпигенетического развития и АИД

Исходя из предположения, что респонденты трех групп различаются в зависимости от материального достатка и прохождения стадий эпигенетического развития, возможно применение многофакторного дисперсионного анализа, так как необходимо сравнить три независимые группы. Дальнейшее применение многофакторного дисперсионного анализа и критерия Фишера (НЗР) для определения наименьшей значимой разницы

позволило подтвердить адекватность выделенных кластеров, достоверно отличающихся друг от друга по всем параметрам.

Агрегированный индекс достатка (АИД) в первом кластере (условно богатых) практически вдвое превышает АИД третьего кластера (условно бедных), отражая общие закономерные результаты по 4 критериям (рис. 3).

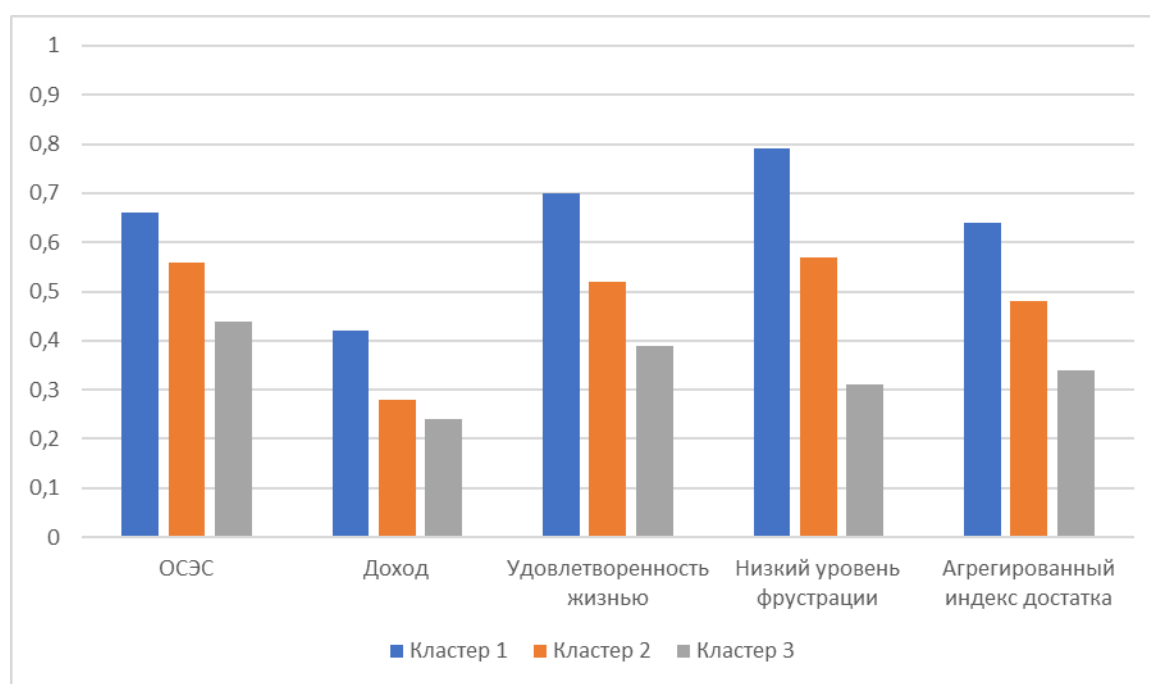

Рис 3. Гистограмма распределения средних значений в кластерах по параметрам, определяющим агрегированный индекс достатка

Показатели относительного социально-экономического статуса (ОСЭС), дохода, удовлетворенности жизнью и отсутствия фрустрированности существенно выше в первом кластере, при значимых различиях со средними значениями третьего кластера. Таким образом, далее первый кластер будет обозначать респондентов с высоким АИД (условно «богатых»), а третий – с низким АИД (условно «бедных») респондентов. В итоге численность респондентов первого кластера составляет 78 человек, второго – 95, третьего –

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

29. Статистически значимые различия были обнаружены абсолютно по всем параметрам методики MEPSI (рис. 4).

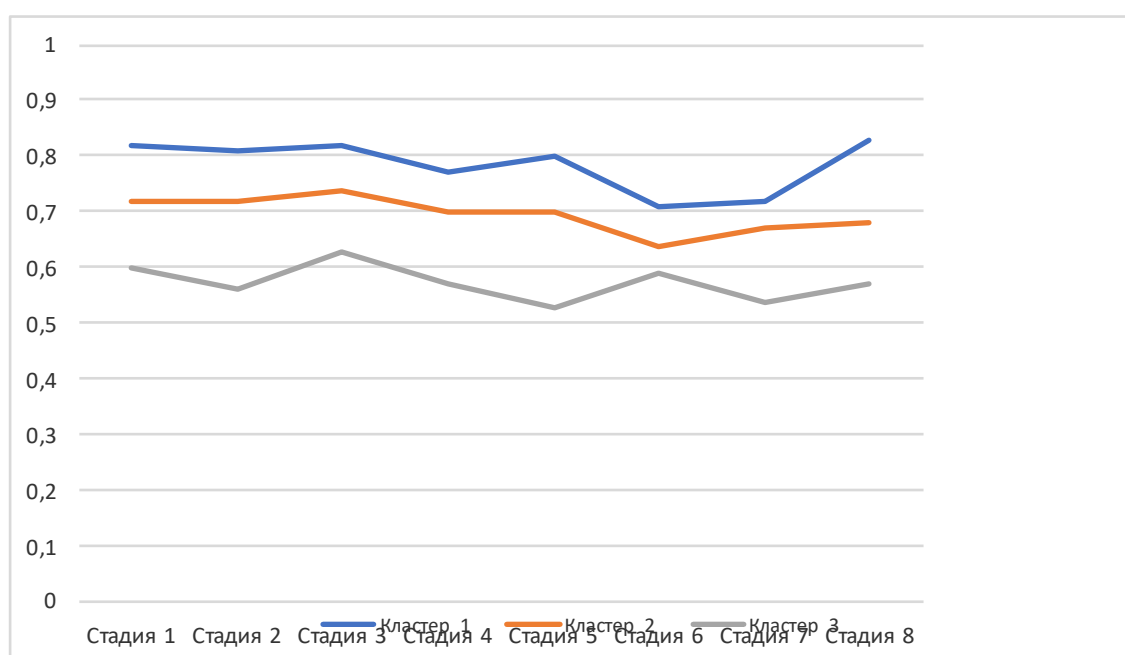

Рис 4. Распределение средних значений в кластерах по параметрам личностной зрелости и стадий психосоциального развития личности применялась

Напомним, что методика MEPSI позволяет оценить, как успешное, так и неуспешное разрешение каждой стадии или кризиса, как его понимал Э. Эриксон. Кризис, по Эриксону, – поворотный пункт, потенциальный выбор между двумя альтернативными вариантами решения психосоциальных возрастных задач развития для достижения эго-идентичности: в случае позитивного разрешения происходит успешный переход на следующую стадию, в случае негативного – недостаточная адаптация. Соответственно, то как разрешается каждая задача, предъявляемая индивидууму социумом, как разрешается возрастной кризис, обуславливает выбор моделей поведения,

качество формирования идентичности (самотождественности) и, в конечном счете, здоровое развитие личности (Эриксон, 2018).

Таким образом, была получена возможность сопоставить эффективность разрешения кризиса на разных этапах онтогенеза – как уже реализованных, так и потенциальных (например, на 6, 7 и 8 стадиях). Такой подход допустим с учетом того факта, что успешное разрешение 8 стадии «Целостность эго – отчаяние» существенным образом коррелирует с позитивным разрешением второй стадии «Автономность – стыд, сомнение», а отрицательная модальность отношения к себе определяет риски преждевременного старения, как в психологическом, так и в физическом плане.

Для компактности изложения результатов можно остановиться на наиболее значимых из них, полученных при сравнении 3-х кластеров.

Разрыв в значениях эпигенетического развития между 1-й группой (условно богатыми) и 3-ей группой (условно бедными) фиксируется *на каждой стадии* (рис. 5), но максимальных значений достигает на 2, 5 и 8 стадиях. Как следует из теории эпигенетического развития Эриксона, каждый этап эпигенетического развития способствует развитию, раскрытию, подкреплению генетически заданной витальности, на каждом этапе формируется эго-компонент (эго-сила или эго-отчуждение). С прохождением каждой стадии развития формируется накопительный эффект, и, чем более успешно пройдены предшествующие этапы, тем больше шансов удачно справиться с последующим кризисом.

Вторая стадия (в соответствии с теорией Эриксона разрешение кризиса «Автономия – стыд, сомнения») очевидно успешнее пройдена респондентами 1-й группы (условно богатыми). Это позволяет нам утверждать, что «более состоятельные» респонденты являются прежде всего более состоятельными и в личностном плане.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

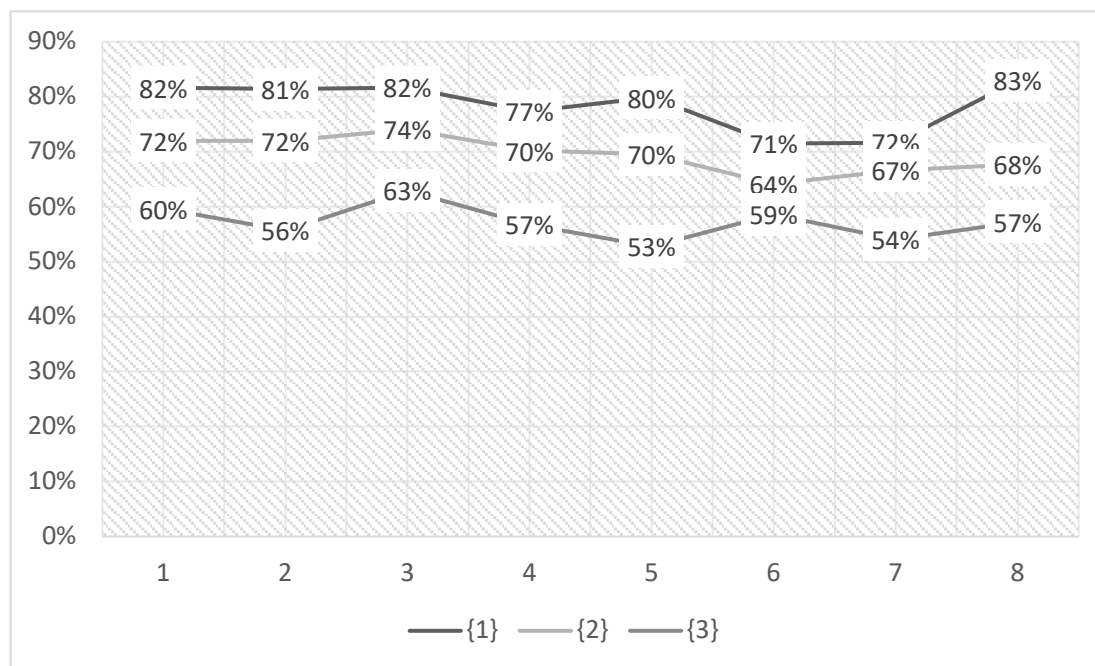

Рис. 5. График распределения показателей уровня эпигенетического развития в разрезе 8-ми стадий и кластерных групп по опроснику MEPSI

В ходе применения критерия Фишера (НЗР) по параметру «Автономия» между 1-ой и 3-ей группами было обнаружено 3 значимых различия: «условно богатые» демонстрируют высокий уровень автономии ($m=4,1$ или 82% при $p \leq 0,001$), внутренний локус контроля (интернальность), развитое чувство ответственности, высокую самооценку. Собственный успех и достижения они склонны определять как результат своих личных усилий.

Показатели автономии 3-й группы на 42% ниже и в среднем составляет 2,38 (46% при $p \leq 0,001$), что свидетельствует о склонности бедных отказываться от личностной автономии. Как следует из интерпретации шкалы, это может проявляться в тенденции «слипаться» с другими людьми, приводящей к эффекту толпы, который наиболее ярко проявляется в феноменах паники, конформности и стаи. Вероятно, для представителей социальной группы бедных характерным является отказ принимать на себя ответственность за личностный выбор. Им в большей степени свойственен внешний локус

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

контроля (экстернальность), они чаще склонны возлагать ответственность за собственную деятельность на внешние факторы, ожидать внешней стимуляции своих действий, зависимы от обстоятельств и окружающих их людей, и, с одной стороны, нуждаются в одобрении и поддержке других, а с другой – могут их же обвинять и во всех своих проблемах. Сами оказывать поддержку не склонны, и этот факт, как представляется, связан с тем, что они менее уверены, решительны, организованы, в большей степени сомневаются и тревожатся, чем респонденты 1-й группы. Необходимо отметить, что люди с низким уровнем автономности стремятся к идентификации с группой, чтобы получить уверенность, принимая лишь внешнюю групповую атрибутику, следуя формальным групповым нормам, но достаточно часто именно из-за формального включения наступает взаимное разочарование и отвержение, что приводит к безрезультатным поискам своей социальной ниши.

Можно сказать, что эти личностные особенности определяют не только стратегии социального взаимодействия, но и специфику отношения с деньгами. Получая заработную плату, бедные склонны к сиюминутному разрешению накопленного стресса, желания компенсировать пониженную самооценку посредством присвоения атрибутики привлекательной группы «богатых», к демонстративному потреблению (к примеру, приобретению гаджета или иной вещи стоимостью, эквивалентной нескольким месячным окладам, свадьбе в кредит, который придется выплачивать несколько лет, зачастую и после развода), реализации инфантильных жизненных стратегий, направленных на удовлетворение текущих желаний.

В шкале дифференциала психосоциального развития часто используется дихотомия «щедрость-скупость», характеризующая разрешение второго кризисного этапа. И, вопреки расхожему мнению, люди с высоким уровнем дохода, вероятно, в большей степени склонны проявлять щедрость, а бедные –

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

скудость. Богатый, но скупой тоже функционирует в парадигме мышления бедности, а богатый – щедрый и есть реально богатый, так как не боится в любую минуту остаться без накоплений, тем более что «черный день» в повседневности бедного ментально присутствует всегда.

Информативен тот факт, что в 3-ей группе (бедных) разрешение кризиса на полюсе «автономии» на треть ниже, чем разрешение на полюсе «стыда и сомнений», что может свидетельствовать об ослаблении функционирования эго и диссоциации, использовании примитивной психологической защиты (отрицание, обесценивание и т. д).

Еще одно отличие, требующее пристального внимания, было обнаружено по 5-й стадии «Идентичность – Путаница ролей». Этап идентичности, по сути, является своеобразным экзаменом, демонстрирующим результаты уже пройденных стадий развития: эго-силы первых четырех стадий представляют собой те самые части, которые на этом этапе интегрируются в функциональное целое. Негативное разрешение конфликта на одной из первых четырех стадий психосоциального развития означает отсутствие, как минимум, одного из ключевых компонентов развивающейся структуры, что приводит к спутанности социальных ролей.

В ходе применения критерия Фишера (НЗР) по переменной «Идентичность – Путаница ролей» были обнаружены следующие значимые различия между представителями первой и третьей групп: идентичность в первой группе ($m=3,81$ или 76% при $p \leq 0,001$) на 35% превышает средние значения в группе бедных ($m=2,47$ или 49% при $p \leq 0,001$). А это означает, что респонденты первой группы (условно богатых) в большей степени способны к интеграции и ассимиляции личностного и социального опыта, поддержанию собственной уникальности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире. Они в большей степени открыты новым идеям и опыту при

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

сохранении отчетливо выраженной личностной позиции и системы ценностей, способны устанавливать подлинно партнерские отношения с другими людьми в процессе социального взаимодействия, обладают большей толерантностью и готовы к принятию ответственности, чем представители третьей группы (бедных).

Очевидные трудности с достижением идентичности у респондентов третьей группы (средний балл преодоления кризиса значительно ниже, чем в первой группе, именно на этапе преодоления путаницы ролей) позволяют говорить о том, что лица с низким АИД (бедные) имеют значительно более высокие риски формирования деперсонализации, отчужденности и «негативной» идентичности, выбора делинквентного варианта самореализации. Еще одной «результатирующей» путаницы ролей, как утверждают сторонники эпигенетической теории (Эриксон, 2018; Leidy et al., 1995; и др.), является неспособность к рефлексии, жесткая ориентация на стереотипы, ксенофобия, авторитарность, характеризующаяся устойчивой потребностью в подавлении и унижении более низкостатусных членов сообщества, в сочетании с готовностью к слепому подчинению вышестоящим авторитетным для них лицам. Вероятность включения таких лиц в группы экстремистов, православных активистов или, наоборот, просоциальные организации будет определяться в таком случае тем, кто для них станет авторитетным лицом.

Значения развития на 8-й эпигенетической стадии выше, по сравнению с показателями по предшествующим стадиям, во всех группах респондентов, несмотря на фактическое недостижение соответствующего возраста, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о компенсационном характере и выражать стремление к базовому уровню психосоциального развития (конечные результаты релевантны начальным значениям по каждому кластеру). Тем не менее, обнаруженный и в данном случае разрыв в уровне развития

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

между первой и третьей группой в 45% свидетельствует, как можно предположить, о неуверенности бедных в будущем, о наличии так называемой сформировавшейся «выученной беспомощности» в отличие от оптимистичного желания респондентов с более высоким АИД вернуться к показателю не ниже базового уровня первой стадии.

Обобщая полученные данные, можно сделать выводы о том, что по результатам прохождения всех стадий психогенеза лиц с высоким уровнем АИД (условно богатых) можно охарактеризовать как людей в большей степени обладающих эго-силой надежды, сильной волей, чувством цели, трудолюбием и компетентностью; результаты прохождения данных стадий лицами с низким АИД (бедными) больше могут быть охарактеризованы эго-отчуждением, полученным в результате психогенеза: «небезопасной картиной мира», ролевой спутанностью, патологическим самоосознаванием, а также стагнацией действий. Накопленный дефицит первых четырех стадий отражается на общем интегрирующем показателе психосоциального развития – идентичности, близости, производительности.

В логике психосоциального подхода заложен механизм взаимосвязи онто- и социогенетических линий развития, и представленный анализ позволяет говорить о влиянии дефицита развития на показатели социально-экономического развития, что не противоречит и представленным во многих публикациях выводам о негативном влиянии финансовых и социальных дефицитов на личностное и когнитивное развитие личности (Ефремова, Полуэктова, 2019, Лысякова, 2019; Ellis et al., 2012; Gordon et al., 2000; Kraus, Keltner, 2013; Stevenson, Wolfers, 2008; и др.). Таким образом, «петля бедности» приобретает особую «прочность» и для того, чтобы ее «развязать» необходимы и продуманная социальная политика, и обоснованная технология оказания поддержки потенциально уязвимым группам, которые не могут быть

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

ограничены только материальными «вливаниями» (которые часто существенной поддержки не могут дать по определению).

Для уточнения взаимосвязи индивидуального психического развития и социальным развитием, отражающим, в том числе, мультипликативно усиливающее влияние внутренних факторов, также была рассмотрена девиантность респондентов на рабочем месте. Обращение в исследовании именно к таким проявлениям продиктовано тем фактом, что для человека экономически активного возраста работа является тем полем социальной реальности, в котором он проводит большую часть своей жизни и в формате которого определяет свою идентичность. Девиации на рабочем месте могут быть как реакцией на организационные проблемы, так и следствием склонности к девиантному поведению самого работника, но в любом случае они являются разрушительными или, как минимум, наносят ущерб организации (финансовые, функциональные, репутационные потери), сотрудникам, клиентам, а по большому счету и самому субъекту, проявляющему девиации.

Р. Беннетт и С. Робинсон определили девиантность на рабочем месте как нарушение существенных организационных норм, угрожающее благополучию организации, ее членов. В качестве вероятных предикторов такого поведения исследователи выделяют реакцию на условия работы; личностные характеристики сотрудников; специфическую адаптацию к социальным условиям на работе.

Примерами девиантности на рабочем месте могут служить кража (товаров, услуг, данных, списков клиентов, материалов), саботаж сотрудников, медленная работа, больничный лист (при отсутствии заболевания), опоздания на работу или намеренное затягивание перерывов, запугивание, преследование, дискриминация, сплетни. Отклонение в межличностных отношениях направлено на других людей на рабочем месте (например, сотрудников,

руководителей, клиентов). Межличностная сторона девиантности включает враждебность, неучтивость, сплетни, оскорбления, запугивание, моббинг (преследование на рабочем месте), сексуальные домогательства и разные формы насилия на рабочем месте.

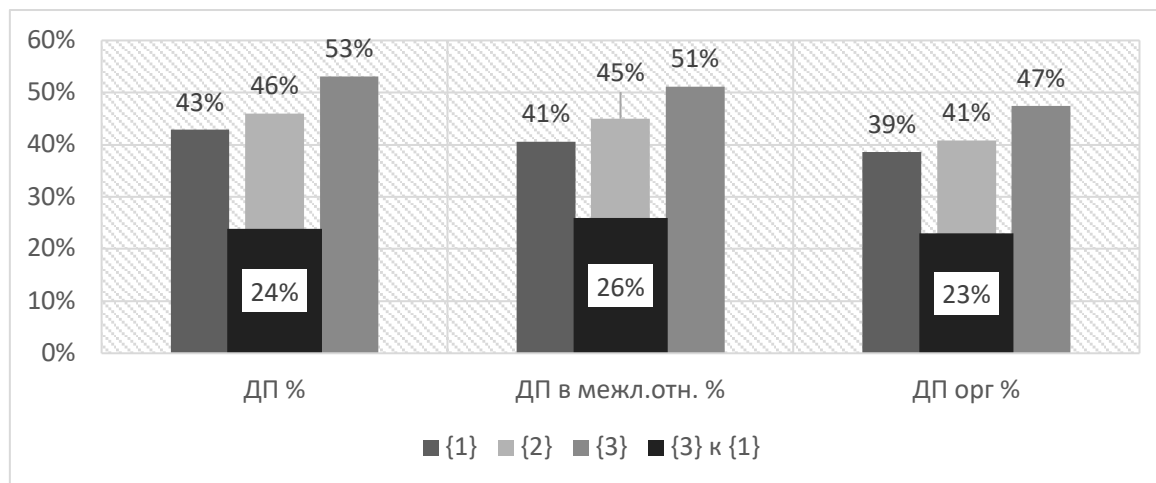

Рис. 6. Диаграмма распределения показателей склонности к девиантному поведению на рабочем месте групп с разным уровнем Агрегированного индекса достатка (АИД)

На девиантность на рабочем месте также тестировались все респонденты, принимавшие участие в исследовании (в обобщенном виде представлены на рис. 6).

В ходе применения критерия Фишера (НЗР) по методике С. Робинсона и Р. Беннетт «Девиантность на рабочем месте» между первой (с высоким АИД) и третьей (с низким АИД) групп были обнаружены значимые различия: именно представители третьей группы (бедные) проявляют черты девиантного поведения ($m=53\%$ при $p \leq 0,001$) на 24 % чаще ($m=43\%$ при $p \leq 0,001$), т.е. в большей степени склонны к девиантному поведению по отношению к самой компании и ее сотрудникам, руководителям, клиентам.

Полученные данные вполне согласуются с тем, что представители группы с низким АИД накапливают больше эго-отчуждений, нежели эго-силы. Мы полагаем, что девиантные проявления группы бедных на рабочем месте

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

способствуют нарастанию враждебности, агрессивности во внутрисемейных и межличностных отношениях, развитию различных форм аддиктивного поведения, что еще в большей степени может способствовать маргинальности, поддержанию «петли обратной связи», которая способствует воспроизведению бедности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из основных результатов проведенного исследования является применение системного, целостного подхода, позволившего объединить существующие (зарубежные и отечественные) разрозненные описательные исследования индивидуально-психологических особенностей в конкретную модель.

В результате исследования было показано, что:

1) монетарная оценка бедности не является достаточной мерой определения человеческого благосостояния и удовлетворенности в связи с развитием человека в онто- и психогенезе и, соответственно, развитием потребностной сферы и необходимых ресурсов удовлетворения актуальных потребностей;

2) индивидуально-психологические особенности бедных (обнаруженные в ряде зарубежных и отечественных исследований) могут рассматриваться системно в рамках теории личностного развития;

3) детерминантой агрегированного показателя социально-экономического статуса является уровень эпигенетического развития: у бедных обнаруживается низкий уровень психосоциального развития;

4) эпигенетические кризисы имеют кумулятивный эффект;

5) низкий уровень развития автономности и идентичности обуславливают не только риски дезадаптации личности, но и риски формирования деструктивных форм поведения, угрожающих общественной безопасности;

6) лица с низким уровнем агрегированного социально-экономического и эпигенетического развития демонстрируют **большую** девиантность на рабочем месте как организационного плана, так и в межличностных отношениях;

7) девиантное поведение формирует культуру бедности, которая калькируется и передается следующим поколениям, что формирует «петлю бедности», оказывая мультипликативный эффект.

Выбранная модель эпигенетического развития Э. Эриксона позволила не только дать целостное описание психологического портрета бедных, но и определить причинно-следственные связи, закономерности развития особенностей, изучить зоны возможного развития (оценить эго-компоненты как психические ресурсы каждой стадии).

Выученная беспомощность бедного в сочетании с влиянием стигматизирующей среды и фрустрацией (значение которой крайне велико среди бедных) нередко приводит к отклоняющемуся поведению, что в еще в большей степени усугубляет проблемы в достижении психосоциальной зрелости.

Полученные в исследовании данные с очевидностью объективируют необходимость решения проблем бедности не только социальными пособиями и созданием все новых институтов, ответственных за преодоление социального неравенства за счет разовых или пролонгированных акций помощи, но и обязательной психологической работой, позволяющей «доразвивать» личность.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белобрыкина О.А., Горбачева Я.Е.* Особенности представлений о «хорошей жизни» у подростков группы риска девиантного поведения // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 149-159
- Бойко В.В.* Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008.
- Волков П.А., Ягодин Р.С., Бельский А.И.* Предупреждение преступности несовершеннолетних // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 105-111.
- Гурьев М.Е.* Социально-психологическая характеристика подростков, имеющих девиантное поведение: способы его профилактики и пути преодоления // Наука и современность. 2017. № 51. С. 94 -103.
- Дробышева Т.В., Журавлев А.Л.* Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 207-232.
- Ефремова М.В., Патоша О.И., Полуэктова О.В.* Основные подходы к изучению феномена бедности в зарубежных психологических исследованиях // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 3. С. 91-101. URL: <https://psyjournals.ru/jmfp/2014/n3/72761.shtml> (дата обращения: 10.03.2021).
- Ефремова М.В., Полуэктова О.В.* Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими характеристиками личности // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 118-136. DOI:10.17759/sps.2019100308.
- Козубовская И.В., Сойма Н.Д.* Исследование проблемы девиантного поведения несовершеннолетних в Великобритании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-7. С. 141-145.
- Лысякова Е.А.* Принятие решений в парадигме бедности // Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2019: сборник научных трудов / Год науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. С. 43-46.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117-142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
- Руководство по измерению бедности: Публикация Организации Объединенных Наций, выпущенная Европейской экономической комиссией // Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 2017. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf (дата обращения: 10.02.21).

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.

Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Фролова Е.Б. О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам: Доклад на заседании Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики. 26.12.2017 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (дата обращения 25.04.21).

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Питер, 2018.

Adler N.E., Epel E.S., Castellazzo G., Ickovics J.R. Relationship of Subjective and Objective Social Status with Psychological and Physiological Functioning // *Health Psychology*. 2000. V. 19. Is. 6. P. 586-592. DOI: 10.1037//0278-6133.19.6.586.

Bennett R.J., Robinson S.L. Development of a measure of workplace deviance // *Journal of Applied Psychology*. 2000. V. 85. Is. 3. P. 349-360. DOI: 10.1037/0021-9010.85.3.349.

Bennett R., Marasi S. Workplace Deviance // *International Encyclopedia of the Social&Behavioral Sciences 2015* / James D. Wright (editor-in-chief). V. 25. Oxford: Elsevier. P. 722-726.

Ellis B.J., Giudice M.D., Dishion T.J., Figuredo A.J. The evolutionary basis of risky adolescent behavior: implications for science, policy, and practice // *Developmental psychology*. 2012. V. 48. Is. 3. P. 598-623. DOI: 10.1037/a0026220.

Goodman E., Adler N.E., Kawachi I., Frazier A.L., Huang B., Colditz G.A. Adolescents' perceptions of social status: development and evaluation of a new indicator // *Pediatrics*. 2001. V. 108. Is. 2. P. e31. DOI:10.1542/peds.108.2.e31.

Gordon D., Townsend P., Dradshaw J., Middleton S. Poverty and social exclusion in Britain. London: Joseph Rowntree Foundation, 2000.

Griskevicius V., Ackerman J.M., Cantu S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Thompson M.E., Tybur J.M. When the economy falters, do people spend or save? Responses to resource scarcity depend on childhood environments // *Psychological science*. 2013. V. 24. Is. 2. P. 197-205. DOI: 10.1177/0956797612451471.

Haushofer J. The Psychology of Poverty: Evidence from 43 Countries. Massachusetts Institute of Technology: Working Paper, 2013.

Hsieh C.C., Pugh M.D. Poverty, income inequality, and violent crime: a metaanalysis of recent aggregate data studies // *Criminal Justice Review*. 1993. Vol. 18. Is. 2. P. 182-202. DOI: 10.1177/073401689301800203.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

- Kraus M.W., Keltner D.* Social Class Rank, Essentialism, and Punitive Judgment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. V. 105. Is. 2. P. 247-261. DOI: 10.1037/a0032895.
- Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L.* Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 68. Is. 3. P. 518-530. DOI: 10.1037/0022-3514.68.3.518.
- Leidy N.K., Darling-Fisher C.S.* Reliability and Validity of the Modified Erikson Psychosocial Stage Inventory in Diverse Samples // *Western journal of nursing research*. 1995. V. 17. Is. 2. P. 168-187. DOI: 10.1177/019394599501700205.
- Lewis O.* The culture of poverty // *On understanding poverty: Perspectives from the social sciences* / Ed. by D.P. Moynihan. N.Y.: Basic Books, 1969.
- Lewis O.* Five families: Mexican case studies in the culture of poverty. London: Souvenir press, 1975.
- Maqsd M., Rouhani S.* Relationships between socioeconomic status, locus of control, self-concept, and academic achievement of Batswana adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 1991. V. 20. Is. 1. P. 107-114. DOI: 10.1007/BF01537354.
- Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J.* Poverty impedes cognitive function // *Science*. 2013. V. 341. Is. 6149. P. 976-980. DOI: 10.1126/science.1238041.
- Pinquart M., Sorensen S.* Influences of socioeconomic status, social network, and competence on subjective wellbeing in later life: a metaanalysis // *Psychology and aging*. 2000. V. 15. Is. 2. P. 187-224.
- Stevenson B., Wolfers J.* Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2008. V. 39. Is. 1. P. 1-102. DOI: 10.3386/w14282.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

- Belobrykina O.A., Gorbacheva YA.E. Osobennosti predstavlenij o «horoshej zhizni» u podrostkov gruppy riska deviantnogo povedeniya // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 3 (133). S. 149-159
- Bojko V.V. Psihoenergetika. SPb.: Piter, 2008.
- Volkov P.A., YAgodin R.S., Bel'skij A.I. Preduprezhdenie prestupnosti nesovershennoletnih // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. 2016. № 2 (44). S. 105-111.
- Gur'ev M.E. Social'no-psihologicheskaya harakteristika podrostkov, imeyushchih deviantnoe povedenie: sposoby ego profilaktiki i puti preodoleniya // *Nauka i sovremennost'*. 2017. № 51. S. 94 -103.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

- Drobysheva T.V., ZHuravlev A.L. Sistema faktorov ekonomicheskogo soznaniya v usloviyah vtorichnoj ekonomicheskoy socializacii lichnosti i gruppy // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 2. S. 207-232.
- Efremova M.V., Patosha O.I., Poluektova O.V. Osnovnye podhody k izucheniyu fenomena bednosti v zarubezhnyh psihologicheskikh issledovaniyah // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2014. T. 3. № 3. S. 91-101. URL: <https://psyjournals.ru/jmfp/2014/n3/72761.shtml> (data obrashcheniya: 10.03.2021).
- Efremova M.V., Poluektova O.V. Vzaimosvyaz' vzrosloy i detskoj bednosti s psihologicheskimi karakteristikami lichnosti // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2019. T. 10. № 3. S. 118-136. DOI:10.17759/sps.2019100308.
- Kozubovskaya I.V., Sojma N.D. Issledovanie problemy deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih v Velikobritanii // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2015. № 11-7. S. 141-145.
- Lysyakova E.A. Prinyatie reshenij v paradigme bednosti // Sovremennaya real'nost' v social'no-psihologicheskom kontekste – 2019: sbornik nauchnyh trudov / God nauch. red. O.A. Belobrykinoj, M.I. Koshenovej. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2019. S. 43-46.
- Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psihometricheskie harakteristiki i sravnitel'nyj analiz // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2020. № 1. S. 117-142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
- Rukovodstvo po izmereniyu bednosti: Publikaciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij, vypushchennaya Evropejskoj ekonomicheskoy komissiej // Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. N'yu-Jork i ZHeneva, 2017. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf (data obrashcheniya: 10.02.21).
- Social'no-psihologicheskaya ocenka riskov sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe: monografiya / Pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2017.
- Fenomen i kategoriya zrelosti v psihologii / Pod red. A.L. ZHuravleva, E.A. Sergienko M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2007.
- Frolova E.B. O sovershenstvovanii metodologicheskikh polozhenij po raschetam indeksov nemonetarnoj bednosti po itogam vyborochnykh nablyudenij po social'no-demograficheskim problemam: Doklad na zasedanii Nauchno-metodologicheskogo soveta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. 26.12.2017 // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (data obrashcheniya 25.04.21).
- Erikson E. Detstvo i obshchestvo. SPb.: Piter, 2018.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

- Adler N.E., Epel E.S., Castellazzo G., Ickovics J.R. Relationship of Subjective and Objective Social Status with Psychological and Physiological Functioning // *Health Psychology*. 2000. V. 19. Is. 6. P. 586-592. DOI: 10.1037//0278-6133.19.6.586.
- Bennett R.J., Robinson S.L. Development of a measure of workplace deviance // *Journal of Applied Psychology*. 2000. V. 85. Is. 3. P. 349-360. DOI: 10.1037/0021-9010.85.3.349.
- Bennett R., Marasi S. Workplace Deviance // *International Encyclopedia of the Social&Behavioral Sciences 2015* / James D. Wright (editor-in-chief). V. 25. Oxford: Elsevier. P. 722-726.
- Ellis B.J., Giudice M.D., Dishion T.J., Figuredo A.J. The evolutionary basis of risky adolescent behavior: implications for science, policy, and practice // *Developmental psychology*. 2012. V. 48. Is. 3. P. 598-623. DOI: 10.1037/a0026220.
- Goodman E., Adler N.E., Kawachi I., Frazier A.L., Huang B., Colditz G.A. Adolescents' perceptions of social status: development and evaluation of a new indicator // *Pediatrics*. 2001. V. 108. Is. 2. R. e31. DOI:10.1542/peds.108.2.e31.
- Gordon D., Townsend P., Bradshaw J., Middleton S. Poverty and social exclusion in Britain. London: Joseph Rowntree Foundation, 2000.
- Griskevicius V., Ackerman J.M., Cantu S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Thompson M.E., Tybur J.M. When the economy falters, do people spend or save? Responses to resource scarcity depend on childhood environments // *Psychological science*. 2013. V. 24. Is. 2. P. 197-205. DOI: 10.1177/0956797612451471.
- Haushofer J. The Psychology of Poverty: Evidence from 43 Countries. Massachusetts Institute of Technology: Working Paper, 2013.
- Hsieh C.C., Pugh M.D. Poverty, income inequality, and violent crime: a metaanalysis of recent aggregate data studies // *Criminal Justice Review*. 1993. Vol. 18. Is. 2. P. 182-202. DOI: 10.1177/073401689301800203.
- Kraus M.W., Keltner D. Social Class Rank, Essentialism, and Punitive Judgment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. V. 105. Is. 2. R. 247-261. DOI: 10.1037/a0032895.
- Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L. Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 68. Is. 3. P. 518-530. DOI: 10.1037/0022-3514.68.3.518.
- Leidy N.K., Darling-Fisher S.S. Reliability and Validity of the Modified Erikson Psychosocial Stage Inventory in Diverse Samples // *Western journal of nursing research*. 1995. V. 17. Is. 2. P. 168-187. DOI: 10.1177/019394599501700205.
- Lewis O. The culture of poverty // *On understanding poverty: Perspectives from the social sciences* / Ed. by D.P. Moynihan. N.Y.: Basic Books, 1969.
- Lewis O. Five families: Mexican case studies in the culture of poverty. London: Souvenir press, 1975.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

- Maqsd M., Rouhani S. Relationships between socioeconomic status, locus of control, self-concept, and academic achievement of Batswana adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 1991. V. 20. Is. 1. P. 107-114. DOI: 10.1007/BF01537354.
- Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J. Poverty impedes cognitive function // *Science*. 2013. V. 341. Is. 6149. P. 976-980. DOI: 10.1126/science.1238041.
- Pinquart M., Sorensen S. Influences of socioeconomic status, social network, and competence on subjective wellbeing in later life: a metaanalysis // *Psychology and aging*. 2000. V. 15. Is. 2. P. 187-224.
- Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2008. V. 39. Is. 1. P. 1-102. DOI: 10.3386/w14282.

М.И. Кошенова

Феномен бедности и психосоциальная зрелость личности

THE PHENOMENON OF POVERTY IN THE CONTEXT OF PSYCHO-SOCIAL MATURITY OF THE INDIVIDUAL

M.I. Koshenova *

*Ph.D. (psychology), associate professor, head of the department of social psychology and victimology, FSFEE HE «Novosibirsk State Pedagogical University»; 28, Vilyuyskaya, Novosibirsk, 630126; e-mail: koshenova.m.i@gmail.com

Annotation. The aim of the research is to determine the content of poverty in the context of epigenetic personality theory. Poverty is considered as a multidimensional phenomenon, its monetary and non-monetary dimensions, as well as an aggregated index of wealth, are determined. The analysis of Russian and foreign investigations of the connection of poverty with individual psychological personality characteristics makes it possible to substantiate the need to study the socio-psychological characteristics of the poor from the point of view of the epigenetic concept of the development of E. Erickson. The empirical investigation was aimed at testing a hypothesis based on two assumptions: differences in the aggregated wealth index depend on the effectiveness of the personality passing through eight stages of epigenetic development; individuals belonging to the group with a low aggregated wealth index will show a greater tendency to deviation due to insufficient psychosocial maturity. The following methodologies were used to estimate the aggregated wealth index along with the absolute income level: 1. Graphical scale of socio-economic status of the subject (The MacArthur Scale of Subjective Social Status), developed under the supervision of N. Adler. 2. Satisfaction with Life Scale (SWLS), proposed by Ed. Diner, R.A. Emmons, R.J. Larsen, S. Griffin; 3. Express diagnostics of the level of personal frustration proposed by V.V. Boyko. To determine personal maturity and the stage of psychosocial development of the personality, a technique to assess epigenetic development, or a psychosocial attribute strength indicator «Modified Erikson Psychosocial Stage Inventory» – MEPSI, developed by Leidy N., Darling-Fisher C. was used. To identify the tendency to deviant behavior in one of the most important spheres, the method of S. Robinson and R. Bennett «Workplace deviation scale» was used to ensure economic activity of the person, which allows measuring deviancy in the workplace. The data obtained from a study of 202 people of economically active age made it possible to conclude that the poor show low levels of epigenetic development; epigenetic crises have a cumulative effect; the low level of development of autonomy and identity leads not only to the risks of personal maladaptation, but also to the risks of the formation of destructive forms of behavior in various spheres of life, including threatening public safety. The need for compulsory psychological work is justified, which allows you «to grow» an individual with «experience of poverty» in order to overcome the «feedback loop».

Keywords: poverty, monetary and non-monetary dimension, aggregated wealth index, epigenetic concept of development, empirical verification, ego-power, ego-alienation, deviant realization.